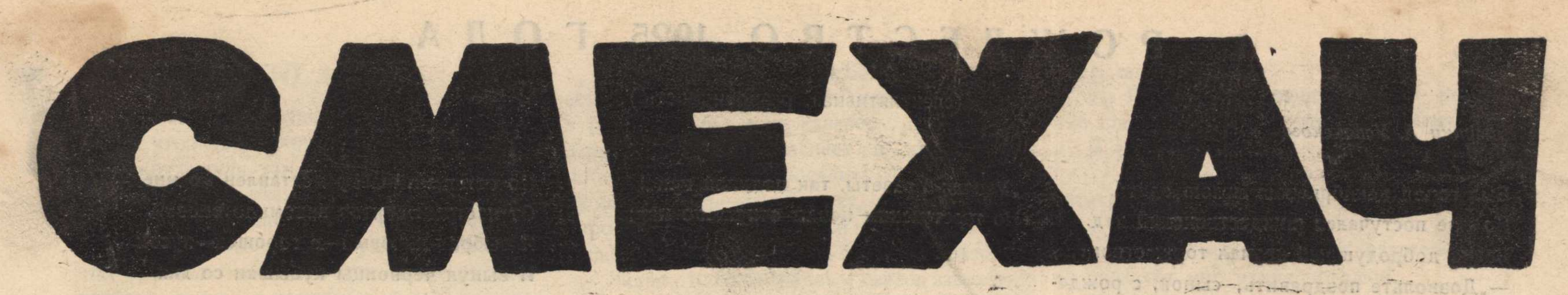
3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 36

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕКАБРЬ 1925 | Ленинград. Просп. 25-го Октября, 88. Тел. ред. 5-49-78, тел. конт. 5-38-8? | Цена 15 ко[п.]

АНГЕЛ МИРА

Рис. Л. Бродаты

ИЛИ—

замерзающий мальчик.

РОЖДЕСТВО 1925 ГОДА

(спекулятивная разновидность.)

Рисунки А. Успенского

Был город декабрьскою мглою одет...
Ко мне постучался рождественский дед.
Басок добродушный звучал торжеством:
—„Дозвольте поздравить, сынок, с рождеством!
Впустите погреться в ваш теплый уют...
Подарков, конечно, теперь не дают—
Вопрос хозрасчета... Но все-таки вам
Почти без надбавки товар свой отдам!“
В дверную обшивку стучалась рука:
Я скинул засов и впустил старика.
Вошел он—румяный, в блестящем снежке..
Чего только не было в старом мешке!
Галоши и ситцы, стекло и платки,

И гвозди, и обувь, и бязь на портки!
—„Везу для деревни“!—сказал мне старик:—
„Узнали-б газеты, так подняли крик!
По трестовским ценам отпущено мне:

Надеюсь на них заработать втройне!
Конечно, я частником был испокон—
Таким отпускать запрещает закон.
Но трусить закона купцу не резон:
Нельзя не рискнуть—благодарный сезон!
Опять-же, и в трестах неглупый народ:
Торговле—движенье. Деньгам—оборот.“
Я кресло подвинул. Налил ему чай.
А сам к телефону скользнул невзначай,
Хотел было вызвать сто-пять-сорок-пять.
Но тут-же раздумал—вернулся опять.
Я вспомнил, как месяц—до боли в хребте—
Стоял я за ситцем в унылом хвосте,
А тут—хоть дороже вдвойне и втройне—
Но ситец на выбор доставлен ко мне.
От пестрых сортов заломило висок...
Я выбрал лиловый—в горошек—кусок.
И вынул червонцы кубышки со дна.
И выложил нужную сумму сполна.

Весь город декабрьскою мглою одет.
Вновь катит на санках рождественский дед—
Туда, где посажен сугроб на сугроб,
Туда, где угрюмо стоит селькооп,

А в том селькоопе лежат в три ряда
Губная помада и крем „Резеда.“

А. д'Актиль

„ЗОРКИЙ ГЛАЗ“

В статье „Об уклоне некоторых селькоров“ „Саратовские Известия“ рассказывают об одном селькоре, который „завел даже журнал исходящих и входящих. У него уже выработался разоблачительский зуд, который приводит его до нелепых обвинений“.

„Бичуйте злоупотребления“ — обращается газета к селькорам— „разоблачайте беспощадно негодных администраторов, но не злоупотребляйте *разоблачительством*.“

Никита Гвоздев, он-же „Зоркий Глаз“, задумчиво грызет карандаш, поглядывая то на четвертушку бумаги, то в окно, выходящее на улицу, то на стену, по которой возле портрета вождя ползает одинокая, каким-то чудом уцелевшая от смерти, муха.

Селькор „Зоркий глаз“ обдумывает, о чем-бы таком писануть. Писать надо, нельзя не писать, если он селькор. Но с каждым днем все труднее находить темы, чтобы не повторяться.

— О попе Синайском?.. Гм!

Селькор заглядывает в тетрадку, исполняющую должность журнала „входящих и исходящих“.

О попе нельзя: поп использован в заметках № 16 и № 19: „Дурман изживаем“ и „Не пора-ли одернуть попа“.

Псаломщика разве подцепить? Но с какой стороны? „Зоркий глаз“ мысленно рисует тощую фигурку псаломщика Псякина. Хорошо-бы, чорт дери, написать: „Псаломщик нализюкался“, но он, прохвост, как на зло, непьющий, тихий человечек. Придраться не к чему.

— О школе, чтоль?—вспоминает „Зоркий глаз“, откинув псаломщика Псякина. Тема вполне существенная, но увы! Она уже освещена в заметке за № 23 „Наша школа“, где отмечен „вопиющий факт“ отсутствия ведер и тазов для мытья полов, а также что „на уроках, поминая Николая II-го, учитель ни разу не назвал его кровавым“.

Заметка отправлена только три дня назад, и надо обождать, пока напечатают.

О чем-же? О пьянке, о сломанном мосте?

Написано—и даже порекомендовано „за такой вопиющий мост повесить предвика на горькой осине“.

— О чем-же, ей-богу, писать?—в сотый раз спрашивает себя селькор.—Не увижу-ль чего на дворе?

Он внимательно глядит в окно.

Вон—прошел кулак Фома Капустин. Нельзя о Капустине: он уже разделан под-орех в исходящих №№ 4, 9 и 22-й.

Тарахтит телега. На телеге—Марья Лысвина. Тоже не годится:—описана в заметке: „Бабы до сих пор насаждают дурман через мытье пола в церкви“.

Телега поравнялась с окном. Баба рассеянно скользнула глазами по селькоровской хате и, отвернувшись, стеганула кнутом лошаденку.

— Эх!—крякает сожалительно селькор „Зоркий Глаз“.—Не заметила меня. Хоть-бы ты, шкура, язык-бы со зла высунула, я-б те разделал в газете! Может, за лошадь придраться,—что, мол, рабочую скотину кнутом зря стегает... Так ведь все-же стегают—на то и кнут. Может, об отмене кнута написать?

Селькор принимается подыскивать хлесткие фразы для кнута:

„До сих пор еще у нас не изжит варварский пережиток, известный под названием кнут для битья несчастных лошадей“...

Но в эту чудную фразу врывается непрошенное сомнение:

— А как-же без кнута коню бежать? Нешто он, по несознательности, поймет один голый разговор? У меня у самого, например, кнут есть, только лошадь в прошлом годе пропил...

И снова тщетно ищет селькор „Зоркий глаз“ тему. За окном—пусто, в избе тишина: баба ушла к соседке. Кроме него да мухи, не успевшей помереть, нет ни живой души.

„Зоркий глаз“ следит за этой сонной мухой. Вот она проползла по портрету вождя, попробовала, было, полететь и грузно хлопнулась на листок, приготовленный для заметки.

— О мухе!—неожиданно возникает в голове „Зоркого глаза“.—Конечно, о мухе! До сих пор мухи живут! Почему? Что смотрит предвик насчет наших паразитов?

Сдунув муху с листа, селькор приступает к сочинению заметки:

„ПАРАЗИТЫ В ДЕРЕВНЕ“

„До сих пор еще у нас не начата борьба с паразитами, разносящими заразу среди середняков и бедняцкого населения..“ и т. д.

Быстро пишет селькор.

И так-же быстро приходит ответ в почтовом ящике газеты:

„Дер. Хомуты, селькору „Зоркий глаз“. О мухах не пойдет. Слишком мелко“.

Иван Прутков

„НЕ ПО МОДЕ"

Вот ты все шпыняешь меня да ввертываешь, что наши парни—озорники, с девушками круты или там, скажем, бахвалиться любят и будто охальники...

А только в наших местах спокон веку так ведется, что парню удаль надобна и что фуражка набекрень или там гармошка наотлет, а нога с вывертом.

У вас городских, конечно, своя мода, а у нас своя. У нас, скажем, на гривенник выпьет, на целковый куражится—так уж исстари ведется.

Я вот, сам знаешь, мужик обстоятельный—чего у меня не хватает, всего хватает!.. Разве я озорству потатчик?

А вот Ваську, своего первенца за характер его кволый не раз поругивал, ты сам посуди—сам он богатырь, косая сажень в плечах, а смирен больно: робел да краснел и докраснелся... Я так понимаю, что по нонешним временам робкость эту хвалить—погодить!..

Конечно, озорство или там хулиганство одобрять не приходится, а только и смирение это—раз не в моде—вредная штука, оказалось. Ты вот сам посуди, что вышло с Васькой-то!..

Засылаю сватов к Мигачевым—отказ, посрамление. Слышу стороной—плакалась Дуняшка Мигачева, орала:

— Не пойду за Ваську Бакина, режьте—вешьте, не пойду!.. Он у нас высмеяный, в роде, как бы и не кавалер... Дурной он: девку увидит, закраснеет и на беседах робеет: на колени посадить—не посадит, за шею обнять—не обнимет, поцеловать на народе стыдится... Какой он парень, так недотепа! Какой он жених?.. Да меня все засмеют!..

Ладно. К Парамоновым сватов засылаю, та же история. Там Дуняшка, здесь Машуха, все тот же отказ:

— И не матюгнется, и не облапит, и не поцелует, а сидит в углу, как сыч!..

А у Колесовых ихняя Варвара даже слух нехороший пустила:

— Как я пойду за него, когда он, может, и не парень вовсе!.. А так—ни богу свечка, ни чорту кочерга...

Вишь куда загнула!..

Призываю я сына моего, внушаю:

— Ты бы поостепенился малость, не булгачил девок зря, не возмущал—их моды!.. А он плечами пожимает, руками разводит:—Я, тятя, иного складу—ума!...

Я ему:

— Ну выпил бы, покуражился!..

А он мне:

— Тошно мне от самогону, душа не принимает!..

Я ему:

— Ну облапил бы, поматерился!..

А он мне:

— Язык не поворачивается на похабные слова... Иного я совсем развития!..

Я ему:

— Ну на колени бы девку посадил да потискал бы, раз такая мода!..

А он мне:

— Нет в этом для меня развлечения и не нравятся мне ихние повадки!..

Плюнул я на все, отступился.

А время идет, надо парня женить. Махнул я рукой, говорю жене:

— Засылай сватов к Пищалкиным, там отказу не будет... А Пищалкины кто? тьфу, беднота!.. Разве Парасковья Пищалкина невеста сыну моему? И неказиста, и жидка, и мелка... А главное, бесприданница!.. Разве я такой партии ожидал?..

И что же ты думаешь?... Поревела, сказывают, и Паранька, ну да там отец—мать урезонили, на днях свадьбу сыграем...

А все из-за моды этой самой треклятой хорошей невесты Ваське выставить не пришлось.

А мода у нас: чтобы чижика плясал с вывертом, чтобы цыгарка во рту, фуражка на затылок, чтобы парень сумел побахвалиться, в морду при драке заехать, кому надо, а то и ножем пырнуть!..

Поди-ка, перешиби ее, эту моду, раз организация!..

К. Милль-Полярный

СПИРАЛЬ

Свернутая туго-на-туго противосоветская локарнская *спираль* постепенно развертываясь, приводит в движение *такие* аппетиты правительств и *некоторых* кругов *таких* держав, для *которых* Локарно стало лозунгом империалистических вожделений...

Известия, № 267.

Рассказ о работнице Поле
И „спиральном" стиле газет.
Училась Поля в партшколе.
Поля—работница средних лет.

У Поли забот—вагоны,
У Поли ребята и хворый муж.
Но что для Поли препоны?
Пролетарке препоны—чушь!

Руковод проводил анкету
(Зачем,—виднее ему):
— „Читаете-ль вы газету
И, если нет—почему?"

К маме не лезьте, дети!
Не время теперь нытью:
В большой интересной газете
Мама нашла статью.

Слов наворочено—ворох...
Строк прочитала пять:
— „Некоторых... тех .. которых..."
Надо-же все понять!

Дети кругом орали;
Ночь над землей легла.
Путалась Поля в „спирали",
Ничего понять не могла.

А в пятницу, сидя в партшколе,
Подняв изумленный взгляд,
Читала на стенке Поля
Большой красивый плакат;

Буквы на нем сверкали,
Горел Ильича призыв:
— „Товарищи! Нам не пора ли
Перестать коверкать язык?"

Р. Волженин

ДЕТИ И ОТЦЫ

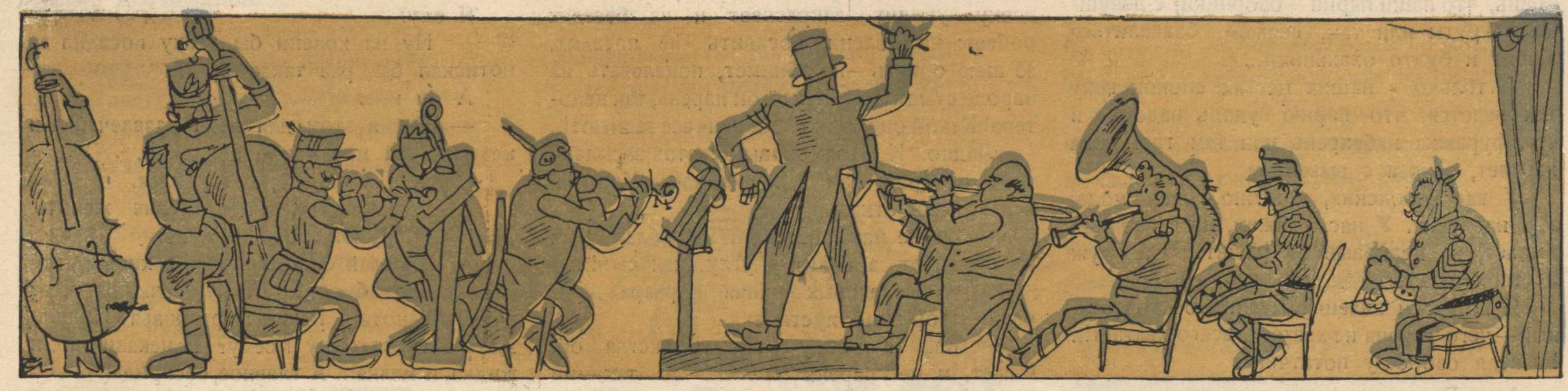
Рис. Б. Антоновского

— Ну, что же, идем мы на собрание в звено, или не идем?
— Неудобно, придется остаться дома: ведь у стариков сегодня такой праздник.

ИЗДАЛИ И ВБЛИЗИ

Рис. Б. Антоновского

. . . Вот и результаты Локарно: в концерт европейских держав принята *Германия*

ОНО И ВИДНО!

АВТОМАТИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

„...Изобретен он, конечно, в Америке. Этот аппарат не только записывает, а потом повторяет все телефонные разговоры, но дает и ответы".
(Нов. „Веч. Газ.")

— ...Самого нет. Можете придти завтра.
— Я же в сотый раз прихожу!..
— Самого нет... Можете придти завтра.
— А завтра-то какой будет ответ?
— Самого нет. Можете придти завтра...
— Тьфу!!!

— Душечка, Сергей Альбертович! Вы уж как нибудь устройте меня... ну, хотя бы помощницей к этому автомату... Только... поближе к себе... хоро о? Со своей стороны, я обещаю вам... понимаете? Ответ передайте авто-секретарю...

— Слушай, Коль: безобразие! Я просил у тебя безвозмездную ссуду.. Прихожу к этому бесчувственному автомату за ответом, — увиливает: — „Завтра!" Хорошо. Прихожу сегодня, бубнит: „Просил целовать в губки"!.

Ежели это символика, к чорту ее.. Мне ссуда нужна, ссуда, ссуда!.

— Ну-с, миленький автоматик, будем вас слушать. Страшно! Сейчас решится моя судьба! Для ответа, кажется нужно повернуть вот эту пружинку... Так

— Р-р-рррр!

— Что такое? Ревнует? Ах, да! Понимаю... К Заушину... Душка, душка.. автоматик...

— Р-р-рррр... 570... Вход номрр..

— Входить к нему в номер? Пятьсот семьдесят раз? Хоть тысячу... Я согласна. Душенька, автоматик! Дай я поцелую твою пружинку...

Б. Перфильев

СПРАВЕДЛИВАЯ ЖАЛОБА

— И к чему только стенгазету выпускают, не пойму? Ничего нового в ней не пишут! Опять про меня, что я прогульщик, опять, что деньги союзные пропил, опять, что собраний не посещаю! Надоело!

ЛЮБОВЬ—КНИГА ЗОЛОТАЯ

— Пришлось мне вчера любовное признание выслушать!

— Где же?

— В суде. Отцом признали меня.

ГУСЬ И СЕКРЕТАРЬ

Я к теме гусиной пробрался тайком,
В руках очутилась добыча.
Попались случайно мне: волисполком,
Пал Палыч, гусиный обычай,
Победа Идеи и стойкость в грехах—
Дозвольте, читатель, поведать в стихах

Село. Волсовет. Тишина. У окошка—
Стул. Секретарь. И „Безбожник" в руке.
Жена-секретарша, веселая Стёшка,
Гуся притащила в мешке.

Пал Палыч—идейный и против мещанства:
— Гусь? Рождество? Это что за режим??
— Я-те дам за гуся! Предрассудок! Дурманство!!
А гусь на столе недвижим.

Сутки рыдала в избе секретарша,
Всей горечи давши исход,
Но шагом победным Буденного марша
Гусь выступил с мужем в поход.

Агент Сельсоюза—парнишка толковый:
Глянул под перья:—товар—первый сорт!
И гусь секретарский был взят за целковый
И двинут в советский экспорт.

Склады... Вагоны... Порты... Перегрузки—
Пути описать не берусь,
Но прибыл в Италию истинно-русский
Откормленный, праздничный гусь.

Покамест кончалась гусиная повесть
Под небом Милана в обеденный час,
Пал Палыч на праздниках выпил на совесть
В борьбе с самогоном, госспиртный запас.

Не счесть стоеросов в Советском Союзе:
Идейно Пал Палыч был ангельски чист,
Но, в силу подобных нелепых иллюзий,
Гуся из Булановки слопал... фашист!

Александр Флит

НЕЗАДАЧА

Иван Николаевич Иванов, совслужащий уонаробраза, с удовольствием почесал волосатую ногу и сказал рябому баньщику Гаврилычу, стоявшему за пустой вещевой стойкой:

— Я, знаешь, Гаврилыч, страсть как люблю париться. Ох, как люблю! Хлещешь, хлещешь себя веником, потом придешь этаким эфиопом домой, ляжешь на диван и, веришь, десять ковшей квасу выпьешь.

Гаврилыч передвинул гвоздевую досочку, на которой был воткнут пока что единственный ивановский билет и сказал:

— Да уж мыться-то вы любитель. Давеча заведующий и то говорит... Надо, говорит, с Иван Николаича 23 копейки за баню брать. Он, говорит, на 3 копейки поболе прочих воды изводит. Хе, хе, хе, хе...

— Помню у нас в консистории в 1899 году,—проговорил Иванов, свертывая собачью ножку — был протоиерей Киановский, так тот с полка прямо на улицу, а там уж его знакомый брандмайор ледяной водой из брандсбоя окатит. Окатит, а он снова на полок. Вот какие люди были!..

Едкий махорочный дым, мешаясь с запахом веников и соломы, набросанной на полу предбанника, тянулся к заслезившимся, давно немытым, закрашенным снизу банным оконцам.

— Да были люди...—протянул безразлично Гаврилыч,—а вы чего это седни не на службе, Иван Николаич?

— В отпуску я. Сегодня последний день гуляю. Две недели у тестя в деревне жил.

— То-то я смотрю: время служебное, а вы в бане.

— Последний день,—повторил Иванов,—не знаю, чего там у нас и делается.

И подумал с неудовольствием, заметив у себя на груди висевший крестик.

— Каждый раз в баню-то снимаю. Ну, да ладно: время служебное. Кто зайдет?

— Насчет религии-то, туговато,—сказал он,— Теперь опасаться приходится. Как начальство то посмотрит?

Он выбрал себе попушистее веник и сказал напоследок:

— Ты, Гаврилыч, потом спину мне потереть зайди.

Иванов не намылился и двух раз, как дверь в баню открылась, захватила с собой охапку холодного воздуха из предбанника и впустила нового посетителя.

— Это ты, Гаврилыч?—спросил Иванов, оборачиваясь, и обмер. В двух шагах от него стоял не кто иной, как сам заведующий наробразом, ответственный работник Максимилиан Максимилианович Вериго-Доровский.

— А,—приветливо сказал Вериго,—это вы, товарищ Иванов? Здрастьуйте...

Иванов прихватил мочалку правой рукой к груди, закрывая крестик, протянул левую руку и сказал:

— Здраствуйте, товарищ Вериго! Правая-то у меня рука в мыле, того-этого, болит...

— Ох, заметил...—вихрем неслось в мыслях Иванова,—господи, пронеси!..

— Что ж вы давно уже моетесь?

— Давно, давно... — заикаясь пролепетал Иванов.

— Да что же это такое?—думал он, холодея,— стою и руку держу, точно галстук поправляю...

— Я еще того... со вчерашнего вечера здесь моюсь. То-есть, не то что моюсь, а мыться хотел. Я уже и мыться-то кончил. До свиданья...

— Да ведь у вас вон еще и на голове мыло?—удивленно сказал Вериго.

Он пулей вылетел в предбанник, обмотав мочалку вокруг шеи, как горжетку.

— Да вы бы сняли его да вернулись,— зашептал ему Гаврилыч.

— Нельзя,—нельзя,—отмахнулся трясущимися руками Иванов—я уже сказал, что кончил мыться. Что ты?!.

Он напялил кое-как подштаники, штаны надел на обмыленную голову шапку и засеменил домой. На углу улицы Марата он встретил наробразовского курьера Семена. Семен приветливо помахал Иванову.

— Здраствуйте, Иван Николаич! А пока вы в отпуске-то были, у нас новости случились. Товарища Веригу-то уволили. Вот на вокзал вещи уж тащу его. Через час уезжает...

И зашептал в виде секретной новости:

— И из партии тоже, сказывают, уволили. В церкви, оказалось, в прошлом годе венчался...

Иванов ошалело поглядел на Семена и сказал храбро:

— Таких жалеть нечего. Сейчас в бане такую тесноту развел, даже домыться никому не дал.

Иван Николаевич Иванов, совслужащий уонаробраза, помахал сухим веником и бодро зашагал домой.

В. Тоболяков

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

— А не иначе, что до уезда теперича нам верстов поубавили.

— Как так?

— А так: раньше поезд 2 часа ходил, а нынче всего $1^1/_2$ только!

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

В целях борьбы со спекуляцией Резинотрест отдал распоряжение по своим магазинам об отпуске галош только по членским профсоюзным книжкам. (Из газет)

Рис. К. Рудакова

— Ну, приняли тебя в союз-то?

— А как же: вторую уж неделю новые галоши ношу—не видишь разве?

БЕЗ ПОЛИТИКИ

(Рассказ малосознательного парикмахера).

I.

Ну ее к чорту, эту самую политику! Откровенно вам скажу, теперь в этой политической гипотенузе разобраться диагонально трудно. Как говорится — по-нашему, по-украински:

— Улизла баба у черед, ни назад, ни вперед!

Оно конечно, раньше сразу видно было птицу по полету, что и говорить. Раньше я, скажем, офицера брил или студента, — совсем разные противоположности, и который разговор одному подходит, другому прямо наждачная бумага по голой, извините за выражение, лысине.

А теперь как их разберешь?

Раньше, конечно, хороший парикмахер без разговору ни одного клиента не побреет.

Работал я у хозяина на Сергиевской улице. „Артем и Жан“. „Мастера — участники в деле и на чай не берут“.

Очень тяжелая была работа, спали мы в каморке, на грязном белье. Между прочим, обхождение с клиентом было вполне фильдекультяпное... Прямо, по мордасам били парикмахеров.

Однако, ошибки не выходило. Не обижались!

Ну, конечно, никаких профсоюзов и прочих „завоеваний“ тогда не было.

Ну, теперь, — прямо скажу, — труднее стало... все интересуются.

Оно, конечно, которые сознательные, — профсоюзов разных, Мопра и тому подобные... Это мы очень хорошо понимаем, но ежели вы старые приемы в работе применять захотите, это уже одеколон тройной выходит — ниже среднего.

II.

У хозяина и сейчас работаю.

Слов нет, — нейтралитет даже совсем другого сорта.

Спим мы дома, работы всего 8-ми часовой рабочий день, значит, все права и преимущества имеем, только насчет политической дислокации выходит полное препятствие.

Хозяин из старых, человек опытный и обращение знает.

Первое дело, — говорит, — клиента во время бритья за нос не бери, он этого терпеть не любит, а второе дело — под каждого политическую мину подлаживай.

— Это в каких смыслах, — спрашиваю?..

— Разговором его занимай! Дай ему „Вечерку“ или журнал какой. Пущай читает. Но есть и такие, что читать не хочет, сука!.. Того займи политическим разговором. Ты ему щеку намыливаешь, а в то же время говори за английскую профделегацию. Или подбородок ему бреешь, расскажи о китайском Фу-Ян-Фуе... Понял, говори?

— Понял!

— Недаром, говорит, у вас в союзе политграмоту проходят! Пущай Политграмота свою пользу приносит...

III.

Ну, не говоря худого слова, стал я работать.

Бывало, разговор начинаешь, глядя по клиенту.

Иной раз сходило, а иной раз прямо на скандал нарываешься.

Приходит толстый гражданин. Обличие у него, в полных смыслах — буржуазное. Опять же костюм на нем хороший, ботиночки, чулочки лиловые. Сразу вижу, с кем имею дело.

— Приятно, — говорю, — брить такого клиента.

— А что? — спрашивает.

— Напоминаете вы мне прежних клиентов. Бывало, брил я барона фон-Шкемпе. Два костюма от него в год получал, 12 галстухов, мало поношенных.

Говорю я этаким манероми н амыливаю. Говорю и намыливаю.

— Бывало,—говорю,—клиент приходит, так два часа в парикмахерской проведет. Ты его и стрижешь, и бреешь, и голову ему моешь, и шампуньем его трешь, и завивку усов делаешь. А которые на дом приглашали, там совсем другой коленкор был. Бывало, опоздаешь к банкиру Лансу, он тебе прямо в лицо плюнет...

— Пошел вон,—говорит,—у меня свидание в 7, а ты в 7 с четвертью приходишь... Сукин ты сын,- говорит,—а не парикмахер.

Честное слово, правда. Даже вспомнить приятно. А теперь, говорю, разве клиент пошел? Шушера какая-то. Ты его бреешь, а он торопит, на службу, говорит, опоздаю. А чтобы шампуньем или волос завивку, так этого нет?!. Эх, прошли времена. Раньше брил, и рука дрожала, чтоб не перерезать, а теперь...

Так я говорю, и брею его, говорю и брею!

Тут как вскочит клиент, да сорвет с себя салфетку... мыло со щек сам стирает, кричит:

— Не хочу я в такой хулиганской парикмахерской бриться. Хозяин,—кричит он,—как вы такого хулигана черносотенца держите? Нога моя больше в этой парикмахерской не будет. Как это мне,—говорит,—члену профсоюза и весьма ответственному, этот нахал такие мерзости говорит?.. Сожалеет о том времени, когда барские морды брил? Мало,—говорит,—вас резали, черносотенцев.

И даже дверью трахнул...

Хозяин сердится.

— Плохо политику ведешь, Федор Степанович! Клиент разговор любит, однако, нужно понимать, что и к чему?

— Буду стараться,—говорю.

Хорошо. На другой день опять завожу с клиентом разговор. Сразу видать птицу по полету. Худой, бледный, пальтишко у него на рыбьем меху, очкастый и один ботинок от подошвы территориальное отделение производит.

— Приятно, — говорю, — пролетариату работать. Человеком себя чувствуешь. Эти гнусные,—говорю,—морды противно брить до высшей степени было. Так бы,—говорю,—и зарезал буржуя бритвой...

Молчит, только жилы на лбу надуваются. Думаю, сочувствует речам моим.

— Теперь, — говорю, — совсем другое. Раньше на кого я работал,—на гнуса, на хама, на буржуя? Раньше вся теория,—говорю,—Ламброзы на его лице написана, а я ее брить должен? Поверите-ли, гражданин,— классовая ненависть так и ударит в голову, ежели какого-нибудь с пробором господина бреешь, так и хочется бритвой его по горлышку полоснуть.

Вскакивает тут клиент, бледнее мыла, хватает шапку, бросает двугривенный на мраморный столик, зуб на зуб у него не попадает.

— Да ты что, зарезать меня хочешь? Меня советская власть не преследует, меня ГПУ не трогает, а ты, — говорит, — мне горло резать будешь? И откуда вы такого Марата достали?—говорит он хозяину.— В другую парикмахерскую пойду, ну, вас, совсем!.. Действительно,—го орит,—как я есть бывший полковник, однако, я на регистрации был! И не твое, сукин сын, дело мне горло резать.

IV.

Подходит тут ко мне хозяин.

— Вы,—говорит,—лучше без политики брейте. Без политики... понял? Брей и молчи.

С тех пор работаю и молчу...

Возьмешь клиента за подбородок, спросишь:

— Гражданин, эта бритва вас не препятствует?

А о политике ни слова. Так-то оно спокойнее!

Борис Флит

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ШТУРМ

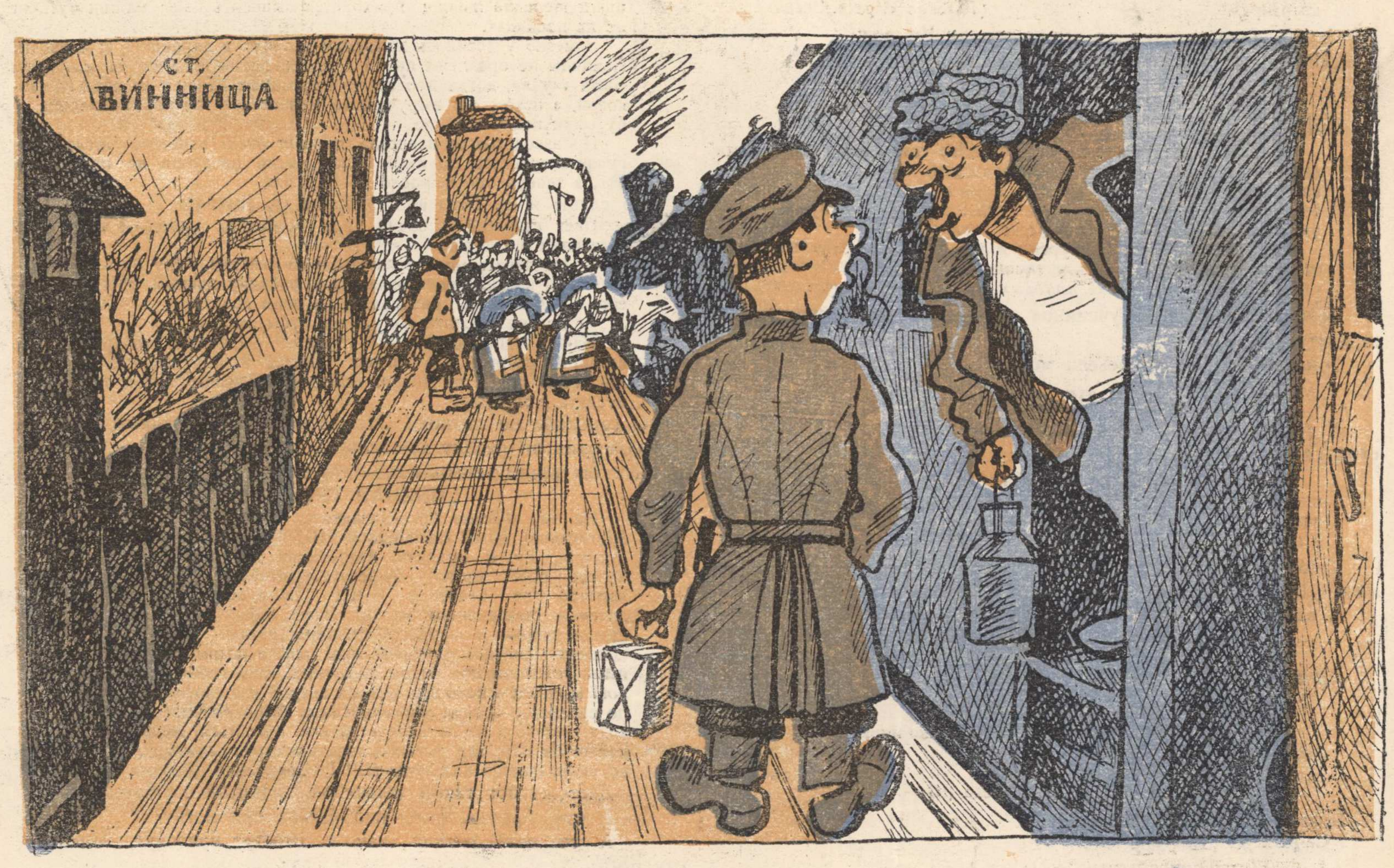
Вздоры, споры, шум, неленость,
Не пройти от толкотни,
Прут в-затылок, словно крепость
Штурмовать х тят они.
Личность в бок меня задела:
— Да-с, народ в осадах крут,
Ясно—в *крепости* все дело,
Верь: за слабым не попрут.

Мих. А

„ОДНОФАМИЛЬЦЫ"

Рис. Н. Радлова.

Во многих городах открыты для вольной продажи вина в посуде покупателя, так называемые «винницы».

— Батюшки! Винница! И всего четыре минуты стоянки! Марьюшка! Подавай скорей посудину—какая ни на есть!

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ЗУБАМИ ЩЕЛКАЮТ

Какой страшный заголовок!

Представьте себе, читатель, знойное лето, улицу, и прямо на вас бежит этакая щёлкающая зубами бешеная собака... Бррр!..

Впрочем, сейчас не сезон бешенства, и представить подобную картинку трудно.

А вот это просто, это всегда по сезону. Так сказать,—демисезонное явление:

ЗУБАМИ ЩЕЛКАЮТ.

Анжерские учителя школы второй ступени уже несколько месяцев не получают зарплаты.

Окроно второй месяц не может выработать ставки.

Учителям приходится жить полуголодными и в нетопленных квартирах. (Томское «Красн. Знамя»).

Справедливо заметил по этому поводу Крылов:

„И кому же в ум пойдет на желудок петь голодный".

ПРОСТОЙ СПОСОБ

По сообщению „Красного Знамени" (Томск).

В ж.-д. школе № 4 с начала учебного года были случаи кражи верхнего платья учеников из раздевальни, которая запирается на ключ, находящийся у сторожихи. Розыска преступников не производится, а лишь удовольствуются уплатой потерпевшему стоимости украденного *путем сбора денег с учеников.*

Недавно, во время экскурсии в деревню Заварзино, после постановки в местной школе, у тамошнего учителя потерялись карманные часы, *стоимость каковых разложена на учеников.*

Не разложить ли на учеников и потерявшуюся учительскую зарплату?

Томское Окроно, пошевели мозгами.

ШКОЛА ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

А вот еще сообщение об одной школе—на сей раз из Минской газеты „Звезда":

В деревне Катужино, Толочинского района, Оршанского округа, школа находится в маленькой грязной хате, в которой одновременно находятся 60 учащихся и кухня домохозяина. Хата эта размером 9 на 9 аршин.

Какое изумительное сочетание *полезного* (науки) с *приятным* (пожирание глазами чужой каши)!

И все это чудо—на площади размером 9 квадратных сажень!

ЛИЦОМ К ПОКУПАТЕЛЮ

Хотите знать „правила госторговли" в Минске?

ПИСЬМО РАБОТНИЦЫ.

Камвольный трест. Воскресенье. Довольно много народу в магазине. Подходит крестьянка:

— Дайте мне платок.

— Платки мы продаем после обеда (!?)

Платки—после обеда.

Сапоги—до завтрака.

А сукно—на другой день.

Очень удобный порядок: удобный, конечно, для частного торговца,—он временем не стесняется.

БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ

Под таким заголовком находим в Иваново-Вознесенск. газете „Рабочий Край" перечень жертв борьбы.

Крепко бьет сорокаградусная водка по производству. После получек рабочие обычно не выходят работать десятками. А если и выходят пьяные на работу, то от них мало проку.

По вине пьяниц у зарядьевцев недавно стояли 22 ткацких станка, ибо запасных рабочих не хватило.

Не отстает на пьяном фронте и ситцевая, механический отдел тоже.

Так же горько и на фабрике БИВМ:

Качество продукции, о котором мы сейчас говорим, как ни странно, стало зависить от числа пьяных в производстве.

Часто после работы на фабрике видишь брошенные пустые бутылки из под горькой. Значит, вино вносится в корпуса и его пьют. Нередко пьяниц приходится выносить из-за машин чуть-ли не на носилках.

Заметно участились хождения рабочих в дирекцию за авансом. Пьяницы не брезгуют ничем в изыскивании средств на выпивку. Были случаи, когда продавались талонные книжки на обеды в столовой, а потом на вырученные деньги покупались половинки и бутылки водки.

Производство от пьянства страдает очень заметно. Число прогулов возрастает. До июля общее число прогулов не превышало 6%, а теперь оно выросло до 14, 12%.

Не слаще и на ситцевой фабрике (г. Кохма):

Пьет старший рабочий (или помощник мастера) чесального отделения и говорит:

— Наплевать мне на газеты и на всё там, буду пить.

Почти каждый день является в фабрику пьяным, да мало того, еще с собой вина принесет. А рабочим грозит:

— Только скажите кому,—все зубы выбью!

Из-за пьянства сильно страдает выработка товара. Как-то старший рабочий А. Брюзин напился и, поругав всех матюком, завалился спать на товар. Рабочие не знали, какой товар пропускать в машину.

О самогоне не слышно. Отсюда ясно, что, дружным натиск м горькой самогон разбит на-голову.

Чем бы таким теперь вышибить зарвавшуюся горькую?

„ПЬЯНАЯ ТРОЙКА"

На ст. Фастов Юго-Западных, 15/XI в 6 час. вечера ШЧЦ Шрамченко, ШЧР Салиенко и ШЦРП Александровский вздумали кутнуть, ну и кутнули! Напившись до основания, эта тройка, набрав себе гостей буфетосодержателей да много других, явилась на квартиру ШЧЦ Шрамченко. Квартира находится в станционном здании. Здесь они, открыв окно, находящееся лицом к перрону станции, „начали устраивать кошачий концерт": сначала мяукали—мяв! мяв!, а потом начали реветь разными голосами под видом животных, лаем собак! ржанием жеребцов! мычанием коров! и разных зверей и животных. Находящиеся по соседству соседи многосемейные были крайне удивлены происходя. им; дети их от испуга начали прятаться, пассажиры, проходящие по перрону, услыхав довольно странный концерт, столпились по направлению квартиры ШЧЦ Шрамченко. (Рабкор Око).

— Даст же бог такой талант!—завидовали слушатели.

— А что, братцы, рыбу изобразить они могут?

— А то нет? Небось, как к ответу призовут,—онемеют, как рыбы.

Одним словом, универсальные люди.

Только на железной дороге зря пропадают!

И ТУТ НЕ СЛАДКО!

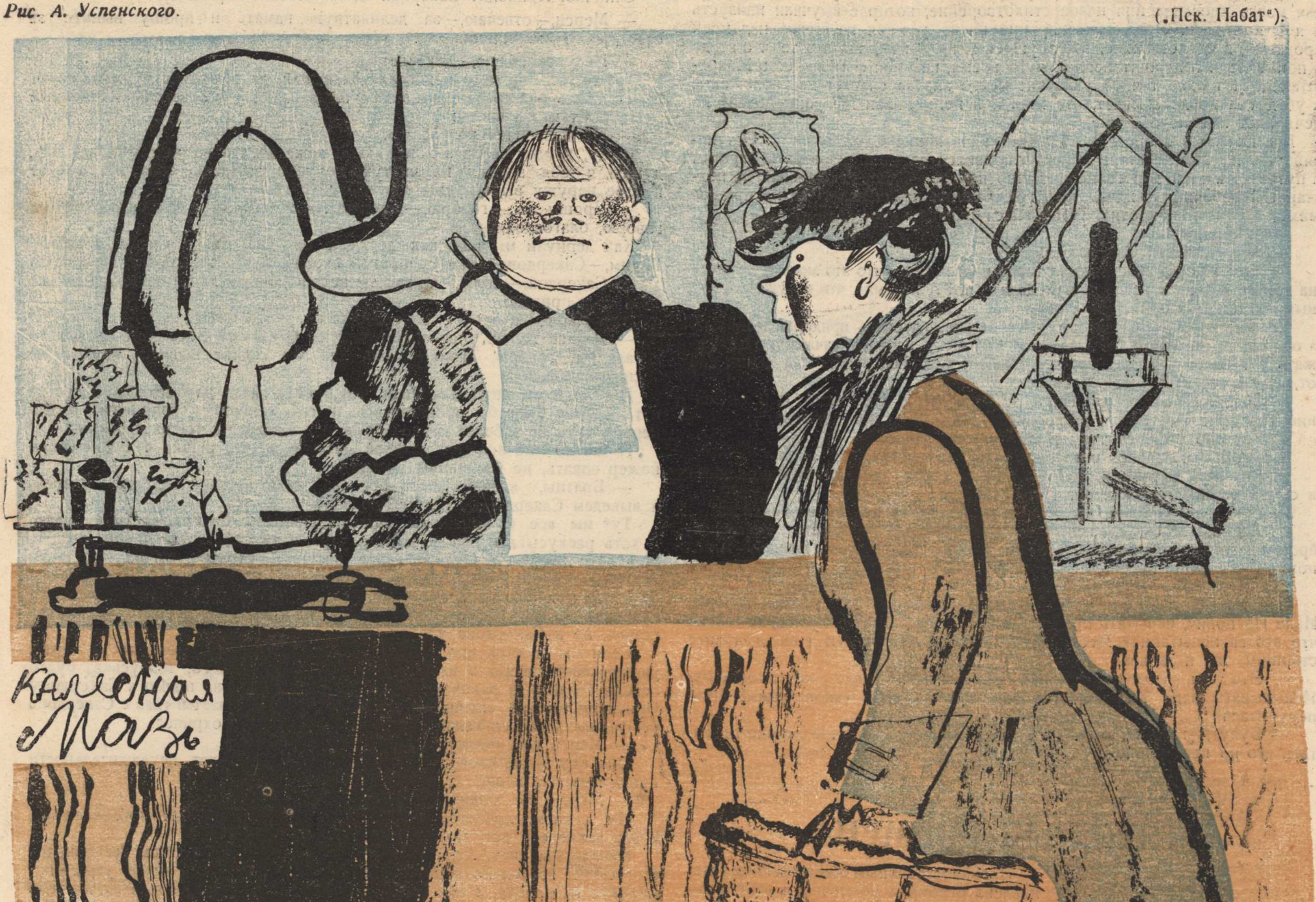
ОБЪЯВЛЕНИЕ

Псковское отделение Сахаротреста продает госучр. кооперации и частн. лицам имеющиеся на складе товары: галоши муж. и дам., нитки Ленинградск., папиросы всех фабрик, гвозди разные, платки, галантерею, мануфактуру, мыло и др. тов.

С почт. Сахаротрест.

(„Пск. Набат“).

Рис. А. Успенского.

Продавец: —Сахарку-с—извините! Не держим-с!

РАБКОР ДОВОЕННОЙ КРЕПОСТИ

Есть такой: фельдфебель рабкорного звания. Неугодно-ли убедиться: „Раб. Край“ пишет (Ив.-Вознесенск):

> Заведующему ситце-печатной фабрикой Гомялову кто-то положил на стол следующую корреспонденцию:
>
> *„У вас есть записка о переводе из з варки женщины Маркиной наверх в барабаны править товар. Если переведете, то будете протащены в „Рабочем Крае“ вместе с Маркиной“.*

Дорогие читатели! Рабкора ситце-печатной фабрики протаскивать в „Рабочем Крае“ не следует: *в Рабочем Крае* такого рабкора просто вы росить надо!

„СМОТРИ В КОРЕНЬ“

Алексея Модестовича Румянцева из Бежецка знаете? Умнейший человек! Познакомьтесь!

> Алексей Модестович Румянцев.
> Г. Бежецк, Тверск. г. Около Штабск. моста № 1.
> „ПРОЛЕТАРИАТ“.
> Адрес для писем и телеграмм:
> г. Бежецк. „Пролетариат“, А. Румянцеву.

На бланках с т ким „про етарским“ ярлыком он рас ылает всем ооперати ам следующие предложения:

> Настоящим имею честь предлож ть Вам купить у меня клюквы и рябины, так как я ранее все время продавал означенный продукт скупщикам.
>
> Если почему либо это для Вас не подходяще, то убедительно прошу Вас передать его по принадлежности или в крайнем случае передать его хотя бы частному комме санту, с кот рым бы можно иметь дело на честных условиях, за что я Вас сумел бы отблагодарить, кроме этого, не подойдет ли для вас валяная обувь, всех сортов, изготовленная из чисто поярковой шерсти.

А подписывается Алексей Модестович, как сообщает „Рабочий Край“ 27 октября, так:

> Остаюсь в ожидании Ваших благоприятных известий.
> С товарищеским приветом А. Румянцев

Здорово пишет! „Пролетариат Румянцев с товарищеским приветом“. Только эти черти большевики не поймут..

Где уж им!

НЕДОУЧКИ

На железных дорогах существует подразделение станций на пять классов.

О трудностях этой классной системы узнаем из корреспонденции Двуженца („Орловск. Праада“):

> По приказу управления М.-К. ж. д., за № 361, бюллетень № 41, от 25 июля предусмотрена премия за товарно-станционные работы всем агентам дороги.
>
> Прислали платежные списки для заполнения; дождались премии, выехали плательщики для уплаты. Все станции 1, 2, 3, 4 класса получили, а 5 класса ни копейки, хотя штат, их такой же, как и 3 и 4 класса, и обязанности стрелочников ДСП и ДС 1, 2, 3, 4 класса одинаковые и ответственность одна и та же.
>
> Так же дело обстоит и с премией за маневровые работы.
>
> Управление дороги, разъясни в чем дело?

„Смехач“ не Управление дороги, а гораздо лучш . Поэтому может объяснить. Дело, видите-ли, в том, что осилить сразу пять классов трудновато: до четвертого доползли а тепер отдыхают.

ЭКСПЕРТИЗА

С некоторых пор мое скромное имя делается все больше и больше достоянием гласности. Мой маленький успех среди читателей стенной газеты, в которой я был припечатан в отделе „наши пьяницы", с присовокуплением нарисованного от руки крайне непохожего портрета,—этот успех уже успел перекинуться и в губернскую газету и в последние дни достиг своего апогея, добравшись до страниц столичной печати. В Московской газете, в мою честь, нарисована целая картина, изображающая меня в пьяном виде, а некий стихотворец, подписавшийся Зубилом, навернул для моего прославления целое стихотворение, которое выучили наизусть и я и мои дети. Это стихотворение висит у меня на стенке над моей кроватью, и единственное, что смущает меня в нем, так это то, что везде я поимеонован Мокроштановым, в то время, как моя фамилия есть Мокроштанец. И только точное указание моего адреса спасает мое положение и убедительно доказывает, что хотя я и поименован Мокроштановым, но речь идет именно обо мне.

Все началось с проезда по линии начальника Службы Пути. Остановившись на нашей станции, он отправился со мной проверить стрелки и путь. На нашей дороге неожиданно попался Сакердон Самоплюев, подстарший рабочий. Увидев этого гражданина, начальник Пути не прошел мимо, а совсем напротив, остановился и сказал:

— Самоплюев! Вы ли?

— Мы,—ответил Самоплюев.

— Самоплюев,—воскликнул тогда начальник,—что это значит,—сидите на дороге 30 лет и все время подстаршим! А я думал, что вы уже дорожным мастером ходите.

Тут бы, конечно, Самоплюеву и отвечать,—дескать придирки и прочее, а он возьми, да начни заикаться. Я это вижу и чтобы начальство не держать у себя на участке, потому, что нет большей радости на линии как отъезд всяких начальства, отвечаю:

— Запойные они были. Пили, то-есть, сверх всяческого. И в замечания не попадали. Поэтому и остановка в служебном продвижении.

— Вот оно что,—сказал начальник,—ну, ладно.

А потом, уже садясь в вагон, опять меня подзывает.

— Вот что, дорожный мастер,—хотел бы я продвинуть Самоплюева в старшие рабочие,—как он, теперь пьет?

Говорю, нет. Говорю, год крепится. Год даже ко рту не подносит.

— Ладно,—отвечает,—испытайте его месяц и если окажется, что правда бросил пить,—представляйте его к старшему рабочему,—я назначу. Я его помню,—хороший парень.

Сел и уехал.

А я двинул к старшему дорожному мастеру. Так и так,—говорю, Иван Иванович, испытать предлагает. Испытать, говорю, пустяк, да только что это за испытание? Месяц не будет пить, я аттестую, а он как станет старшим, так и запьет?

— Это вы,—отвечает,—верно. Испытывать надо по-настоящему. Испытывать надо так, чтобы потом, как за себя самого можно было поручиться.

— Будут,—говорю, в среду у меня именины,—вот где можно испытать его по первое число.

— Испытывайте,—говорит,—а так на себя не берите никакой ответственности. Ну ее ко всем чертям, эту ответственность. Вот, скажут, раз в жизни попросили порекомендовать и то ни лысой собаки не вышло.

Прекрасно. Пригласил я Самоплюева к себе на именины. Собрались у меня гости со всего околодка, да и из деревеньки кое-кто прибыл.

Рассказал я им все, сообщил о той ответственности, какую перед начальством взял,—выслушали меня мои дорогие гости и прямо таки клятву дали,—костьми лечь, а Сакердона на чистую воду вывести, и, если в нем еще копошится алкоголик и пропойца, то всенепременно в тот же вечер наружу вывести.

Отлично. Приходит Сакердон Самоплюев. Поздравляет.

— Мерси,—отвечаю,—за деликатную память и прошу выпить за счастливого имянинника.

— Не употребляю,—отвечает.

Тут-то все на него и насели. Да выпей, да пожалуйста, да ты полюбуйся, сколь она преаппетитна, да сколь запашок у нее сверхъестественный

Нет. Стоит на своем:

— Не могу. Не употребляю.

Вижу, ломает человек комедию, и даже досада во мне закипает. Ну, думаю, я тебя выведу на чистую воду, я заставлю тебя нутро свое подлое наружу вывернуть.

— Прошу вас,—говорю,—дорогие гости, выпить и закусить. Господи, говорю, благослови.

Как дернули мы раз, как дернули мы два, аж в глазах зарябило Видим,—Сакердона даже судорогой сводит, а все же крепится и не пьет

— Сакердон,—молю,—дурак ты недоделанный, да ты посмотри токько сколь это приятно.

Благодарю,—говорит,—не употребляю.

— Да как же не употреблять такую? Слезу-то? Ведь это чистота-то какая! Ты, говорю, глянь только, как мы сейчас выпьем, неужто не воспламенишься?

И начали мы пить Так пили, что просто скала на Кавказском хребте и та должна была бы прослезиться и себе рюмочку попросить, а Сакердон чуть не заболел от воздержания, а даже не понюхал водки.

И так во мне все мое ретивое заговорило, что решил я лучше собой пожертвовать, но Сакердона раскусить.

— Братцы,—воскликнул я—все за одного, один за всех. Умрем, а выведем Сакердошку на чистую воду.

Тут мы все и поклялись единым фронтом Сакердона раскусывать и хоть раскусывали его до самого утра, а на работу ни с чем вышли. И тут-то как-раз и прославился я впервые, украсив собою последний столбец стенной газеты, под названием „Наши пьяницы". Но слава не ослабила моей охоты и, проведав что в пятницу у ремонтного рабочего праздник по случаю рождения внучки, не только сам на это торжество пошел, но и Сакердона уломал пойти.

Сели мы за стол про Чемберлена и продналог поговорили и вдруг, раскрывается дверь и входит племянница ремонтного, Маруська, будто лебедь белая, а в руках у нее поднос, и плывет она прямо к Сакердону Притихли мы все, слышно, как клоп по стенке ползет и глаз с Сакердона не сводим. Побелел человек, головой мотнул и прохрипел:

— Мерси вас, бонжур. Я непьющий.

Она ему такие слова, она ему эдакие, она насчет неуважительности прокатывается, а он:

— Мерси вас. Бонжур. Я непьющий

Ну, думаем, ломается чорт. Видно ты нас трезвых побаиваешься, а как захмелеем все, так и сам насосешься.

Начали мы пить. Аж не лезет, а мы пьем. Не знаю, чем бы кончился этот сеанс, но только вдруг, глядь, а времени шесть часов утра,—пожалуйте на работу, а как на нее пойдешь, если так тебя и валит, так тебя ко сну и клонит. Конечно, будь я двужильным, я, глядишь, и справился бы, и Сакердона бы испытал и рехтовку пути произвел бы, а раз я человек обыкновенный, то, добравшись до первого же кювета, немедленно лег и уснул. Сон мой был недолгим по причине дождя и хлынувшей со всех косогоров в кювет воды, и если я не потонул при исполнении служебных обязанностей, то исключительно потому, что родился в сорочке. Между тем, это обстоятельство дошло до губернской газеты, в которой было пропечатано все доподлинно с тою только опечаткою, что я спал в кювете на 149-й версте между 3 и 4 пикетами, а газета указала пикеты 4 и 5-ый, во всем же остальном газета прославила меня совершенно верно.

Между тем, не знаю уже откуда, но только Сакердон Самоплюев узнал, что нити его судьбы и служебного повышения находятся в моих руках и, вместо того, чтобы с величайшим терпением дожидаться моего обследования его алкоголизма, начал все больше и больше напирать на меня, упрашивая аттестата, Вижу я, хоть пропадай, а рекомендуй. Метнулся к старшему дорожному мастеру и молю:

— Иван Иванович, что делать?

— Надо,—говорит,—еще испытывать.

— Да пить,—отвечаю,—не охота. Сопьюсь еще.

— Потрудись,—говорю,—для начальства. Авось и не сопьешься, а зато рекомендацию дашь по всей справедливости.

Что-ж, думаю, надо действовать. Попытаю,—нет ли где пьянства,—найду. Ну, сейчас туда и Сакердона тащу. И таким самым манером прошел целый месяц, и только собрался я окончательную бумагу писать о Сакердоне, дескать доподлинно непьющий и будто скала твердый,—вдруг, бац телеграмма: „уволить Мокроштанца за непробудное пьянство". Я туда, я сюда,—ничего. Уволить. Позвольте,—говорю,—мы не поняли друг друга, где же говорю это видано, чтобы человека увольняли за исполнение предписаний начальства. Я пил с научной целью, я экспертизу делал, я поручение начальства выполнял. Абсолютно никакого внимания. Хорошо, я мирюсь. Я человек культурный и отлично понимаю, что жертвы долга были и будут, но тогда позвольте Сакердона Самоплюева аттестовать, распишитесь в приемке моей аттестации. Ничего. Ничего. И видеть мою аттестацию не желают. Для чего же я страдал? За что я тогда места лишился?

Я скажу по совести, если бы не стихи в московской прессе в мою честь с присовокуплением рисунка, на котором я сплю на спине у свиньи, я прямо таки зачах бы от огорчения. И только сознание, что этот рисунок напечатан во всесоюзном масштабе, вливает энергию в мое слабеющее тело...

Евграф Дольский.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Рис. Л. Бродаты.

Производственным обследованием установлена огромная убыточность всех автоматов Моссельпрома. (Рабоч. Москва).

— Ну, и времячко! Машина не ест, не пьет, не курит — и то убыток дает!

ТЬМА

На мысенском механическом заводе, после одного делегатского собрания, 13 делегаток были избиты своими мужьями. (Из газет).

Темноты непочатый угол,
Равноправье—одни слова.
Я—законная, скажем, супруга,
А муж—надо мной голова.

* * *

Записалась я в делегатки,
На собранье сходила раз...
Посейчас еще ломит лопатки,
И „фонарь“ освещает глаз.

* * *

— „Где была? Говори, сука!
Хочешь быть наравне с муженьком?!“
И давай меня в голову стукать
Волосатым стальным кулаком.

* * *

— „Делегатка! Почуяла волю!
Я те вышибу дурь, сатана!
По собраньям шнырять не дозволю!
Жизнь твоя—в четырех стенах.

* * *

Знай пеленки, плиту и мужа
А в общественность носа не суй!
Каждый день тебя буду утюжить,
Щекотать кулаком в носу!“

* * *

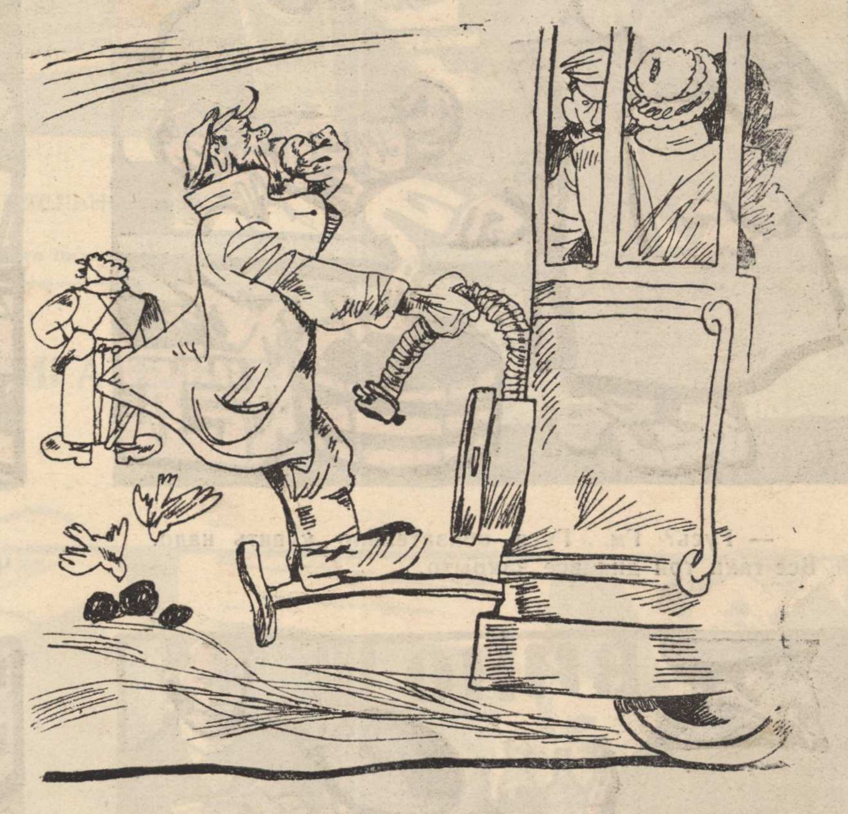
И в один этот вечер избито
„Равноправных“ тринадцать жен.
Это—язвы старого быта
Выползают со всех сторон.

Н. Тихомиров

ВЕРХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Замечено, что многие рабочие выменивают трамв. талоны на яблоки у торговок, вследствие чего вынуждены либо ехать зайцем, либо итти пешком. (Кр. газета).

Рис. Б. А.

С яблоками и на колбасе.

НА-ХОДУ

(Почти фантазия).

Штейнах предлагает новый способ омоложения при помощи вспрыскивания химических веществ.
Можно будет также глотать химический состав омоложения.
(Телеграммы).

Вы представляете себе, как это будет?

Дряхлый старик, опираясь на костыль садится в автомобиль.

И проглатывает, во время езды, пилюльку и выходит из него—молодым.

О, Фауст, бессмертное творение Гете! Ему приходилось продавать душу черту.

Нынешний Мефистофель—зовется Штейнах. Он не требует души...

Он дает кубок молодости—во имя науки... уже на-ходу...

* * *

В театральном буфете во время антракта...

— Мне бутерброд с ветчиной.

— А мне две облатки молодости. К следующему антракту хочу помолодеть лет на 20.

— Странно, как-раз между 3 и 4 актом по пьесе проходит 20 лет, а вы хотите назад...

— Пожалуста, две облатки Штейнаха и бутерброд с сыром.

1 р. 40 коп.

В следующем антракте...

— Ну, как себя чувствуете?

— Уже лет на пять чувствую себя моложе. К концу пьесы пойду домой комсомольцем.

— Чудеса!

* * *

Суд постановил:

— Такого-то подвергнуть заключению в тюрьму на 20 лет.

Подсудимый просит стакан воды.

— Не волнуйтесь,—говорит защитник.

— Я не волнуюсь, я просто принял три пилюли молодости,—помолодею на 20 лет, как будто и не было заключения!

* * *

Этих примеров можно было бы привести сколько угодно.

Фауст слишком дорого заплатил за свою молодость.

Он опоздал родиться на 100 лет.

— Впрочем, быть может, телеграмма из Вены—несколько поторопилась.

Но если?.. Какой захват фантазии нарисует это будущее, в котором не будет стариков!

— Давно не видались, дорогой друг.

— О, да... Мы тогда лет 30 старше были!

* * *

День делового человека.

— 8 утра служба.

— 12 заседание.

— 1-2—омоложение.

— 3 часа—доклад на производственном совещании.

* * *

Мечты, мечты...

— Нет больше старости...

Неужели это будет так же обычно, как теперь:

— Нет более мозолей.

Впрочем, — говорят — средства от мозолей плохо помогают.

Незнакомец.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ХОТЯ, НО...

Город Харьков, как известно, —столица УССР.

Столичный журнал „Знание“ (Изд. Губпрофсовета) помещает следующий отзыв о книжке Генри Форда „Моя жизнь, мои достижения“:

В ней (—в этой книжке—) не только выяснена общая техническая организация крупнейшего промышленного предприятия, но и *высказано множество положений и взглядов, заслуживающих самого серьезного внимания. С некоторыми из них можно не соглашаться, но нельзя отрицать их глубокого смысла и практического значения*“...

Теперь совершенно ясно, почему столицу предположено перенести из Харькова в Киев: подальше от такого „знания“,— „щобы воно голову нэ заму было“.

„К ПОРЯДКУ ДНЯ“

В Ленинградской „Красной Газете“ есть такая фраза:

Обычным технологическим порядком технологический факультет потребовал у тов. Серебровского научные труды.

Ловко! Это, стало быть, если технолог—представляй технологическим порядком; если венеролог — венерологическим, если зоолог—зоологическим.

Для каждой специальности—свой порядок.

И только сотрудник „Красной Газеты“ не имеет своего особого порядка..

Гражданин! соблюдайте хоть общий порядок: не нарушайте грамоту!

ОБОГАЩЕНИЕ ЛИТ.-ЯЗЫКА.

Из предисловия к книжке рассказов Арк. Аверченко, в издании „Земля и фабрика“:

...Они способны только брызгать слюной в з . . . . цу истории, неотвратимо бегущей по путям, отмеченным идеологом пролетариата Марксом.

Указанная часть тела истории выписана в предисловии полностью.

Как обогатился наш язык, по сравнению с языком автора „Капитала“!

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик
Ленинградский Гублит №№ 4334 и Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000 экз.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ ПОНЯЛИ

Рис. Ив. Малютина

(Трагедия совслужащего)

— Гусь? Гм.. Гуся обязательно купить надо. Все-таки три дня все закрыто.

— Опять-же игрушки—детишкам рты зяткнуть. Чтобы не ле-зли, ежели кто по делу придет.

— Вино в зимнее время даже с медицинской точки зрения необходимо: вдруг простудишься! Особенно водка или коньяк...

— Ничто так не украшает помещения, как простая свежая зелень. Еще Ильич говорил: Насаждайте леса.

— Что вы! Что вы! Какой праздник? Какая елка? Уж нельзя служащему человеку и зеленью комнату убрать, или там на обед гуся зажарить, или от простуды коньяку хватить—без того, чтобы его в религиозном предрассудке не заподозрили! Мещане вы, товарищи, вот что!